

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ШРАДЕР
IN MEMORY OF TATIANA ALEKSEEVNA SCHRADER

Фото — проект [«Отечественные этнографы и антропологи. XX век»](#)

16 мая 2022 года ушла из жизни Татьяна Алексеевна Шрадер. Можно говорить о Татьяне Алексеевне в терминах институциональных заслуг и достижений, и тогда выстроится картина жизни незаурядного ученого, переводчика, организатора науки.

Татьяна Алексеевна закончила кафедру скандинавской филологии Ленинградского государственного университета в 1961 г. Это очень престижное место учебы и в наше время: я помню, как сама училась на филологическом факультете СПбГУ в 1990-е гг., и студенты-скандинависты считались практически «избранными». Со студенческих лет судьба Т. А. Шрадер была связана с Северной Европой — с языками, а потом этнографией народов Скандинавии, с изучением богатейшего культурного наследия народов этого сурового и сложного региона, находящегося на стыке интересов мировых держав и векторов европейского развития. После окончания университета Татьяна Алексеевна поступила на должность младшего научного сотрудника Арктического и Антарктического

научно-исследовательского института. Затем последовали годы работы в Музее этнографии народов СССР, где Татьяной Алексеевной была подготовлена и успешно защищена в Институте истории СССР Академии наук кандидатская диссертация «Торговые связи Русского Поморья с Северной Норвегией. Конец XVIII — начало XIX в.» (1986 г.). Надо сказать, что русско-норвежские приграничные контакты и специально — поморские, рыболовецкие и торговые промыслы в этих местах оставались центральной темой её исследовательских интересов на протяжении всей научной карьеры. С 1986 по 1993 г. Татьяна Алексеевна работала в Библиотеке Академии наук, где занимала должность учёного секретаря (1990–1993).

В 1993 г. Татьяна Алексеевна пришла в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (как с 1992 г. стала именоваться Кунсткамера, обретя статус особо ценного объекта культуры Российской Федерации). С тех пор, без малого тридцать лет Татьяна Алексеевна проработала в отделе европеистики МАЭ РАН.

Когда она пришла в наш музей, такого отдела еще не существовало — подразделение, в которое её принял тогдашний директор, научный руководитель моей диссертации, Александр Сергеевич Мыльников, называлось отделом общей этнографии и объединяло одно время таких видных учёных и такие личности, как Б. Н. Путилов, Г. В. Старовойтова, А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон, Н. В. Юхнёва. Дело в том, что, заняв в 1992 г. пост директора Кунсткамеры, А. С. Мыльников вынашивал идею расширения научных исследований Музея антропологии и этнографии до Европы, которая в рамках традиционного для этнографических институций регионального членения коллектива, специально не была представлена до той поры самостоятельным отделом, как было это, например, в московском Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, бывшем нашем «головном» институте¹. А. С. Мыльников начал подыскивать и собирать исследователей с полем интересов в европейских странах и со знанием европейских языков. Татьяна Алексеевна стала одним из первых сотрудников, приглашённых в отдел с целью формирования его новой, регионально ориентированной исследовательской деятельности. Меня А. С. Мыльников пригласил в отдел с той же целью, и я хорошо помню первое собеседование с директором в его кабинете, наполненном мебелью XVII и XVIII вв.: напротив директорского стола на диване для посетителей неизменно сидела Т. А. Шрадер — как мне казалось тогда, знающая себе цену дама, смотрящая несколько свысока на вчерашнюю студентку. Долгое время я видела Татьяну Алексеевну только в таком свете: она любила, например, рассказать, что с юности знала Д. А. Ольдерогге и его семью благодаря знакомству с ним мамы; любила подчеркнуть свою элитарность: и петербургские корни семьи, и образовательный бэкграунд, и свой богатый

---

¹ До 1992 г. МАЭ (Кунсткамера) РАН являлся Ленинградской частью Научно-исследовательского института этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ИЭА АН СССР), который был создан в 1943 г. как головное подразделение в Москве.

зарубежный опыт, редкий в советское время. Однако эта кажущаяся неприступность Шрадер в одночасье рассеивалась, когда за чаем в отделе Татьяна Алексеевна вдруг перевоплощалась и начинала рассказывать свои «фирменные» анекдоты. Это была целая серия анекдотов о финнах, которые она умела буквально «сыграть»: она рассказывала их, точно подражая финскому акценту, умея через эти короткие юмористические истории и их фонетическое воплощение поиграть с распространенными этническими стереотипами, так хорошо известными этнографу. Тогда Татьяна Алексеевна становилась душой коллектива, который в иное время за чаем обыкновенно развлекал своими историями и воспоминаниями А. С. Мыльников.

Путь, который прошла в науке Т. А. Шрадер, похож в некоторой степени на профессиональный рост многих представителей старшего поколения наших коллег. Сначала Татьяна Алексеевна занимала должность научного сотрудника отдела общей этнографии и вела научную и практическую музейную работу, организовывала выставки в МАЭ. Так, в 1997 г. прошла масштабная выставка «Скандинавия в музеях Санкт-Петербурга», подготовленная совместно с Российским этнографическим музеем. В эти годы Т. А. Шрадер также активно проводила исследовательскую работу, участвовала в различных этнографических экспедициях в Норвегии и Швеции, проводила архивные изыскания. С 1995 г. и до конца жизни Т. А. Шрадер работала старшим научным сотрудником отдела европейстики МАЭ РАН.

Татьяна Алексеевна Шрадер считается признанным авторитетом в области скандинавской этнологии, одним из крупнейших российских ученых, занимающихся этнографией российско-норвежского пограничья. Благодаря усилиям Т. А. Шрадер в 1996 г. были проведены первые Скандинавские чтения, в которых приняли участие ведущие специалисты как из России, так и из-за рубежа, избравшие в качестве поля своих исследований североевропейский регион. Эти научные чтения стали регулярными, проводимыми раз в два года, и сыграли важнейшую роль в объединении творческих усилий исследователей. Было создано научное объединение скандинавистов, результаты работы которого хорошо известны не только у нас в стране, но и далеко за ее границами. По результатам этих научных биеннале регулярно выходят в свет основательные сборники Скандинавских чтений в изысканном дизайне — рунические знаки и наскальные рисунки на пастельном фоне обложки. Блестящая идея Татьяны Алексеевны позволила Скандинавским чтениям превратиться в уникальную площадку научного обмена учёных-скандинавистов самого широкого спектра — этнографов, культурологов, историков, археологов, лингвистов и литературоведов, а издаваемому по итогам чтений сборнику — в одну из самых ожидаемых, востребованных и приобретаемых книг.

Другой, столь же важной темой научной деятельности Татьяны Алексеевны были немцы Санкт-Петербурга в биографическом аспекте. Интерес к петербургским

немцам был связан с личным биографическим аспектом: супруг Татьяны Алексеевны, Эдуард Германович Шрадер, происходил из семьи немцев, предки которых переселились в Российскую империю и в конце XIX в. основали известное в Петербурге фотоателье «А. Ренцъ и Ф. Шрадер». Надо сказать, что Эдуард Германович сам был страстным исследователем своей родословной и истории этого фотоателье². Он охотно делился своими находками в архивах Петербурга и Финляндии, где проживают другие потомки семьи петербургских Шрадеров, писал книгу³, которая успела выйти при его жизни, но вот продолжение этой книги Эдуард Германович уже не успел дописать...

Татьяна Алексеевна добилась глубоких и серьёзных успехов и в этой области. Она обладала непостижимым для меня до сих пор талантом работать с архивными источниками — искать, находить редчайшие документы и сведения и увлекательно повествовать о них в своих публикациях. Параллельно с успешным семинаром Галины Ивановны Смагиной «Немцы в России и русско-немецкие научные и культурные связи» в конце 1990-х гг. Татьяна Алексеевна собрала и организовала свою конференцию, направленность которой была определена её названием: «Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект». Конференция с 1999 г. стала ежегодным научным форумом не только в масштабе Петербурга, но и получила известность в России и за рубежом, а по результатам исследований её участников регулярно публикуются одноимённые сборники. Татьяна Алексеевна Шрадер сумела собрать и объединить вокруг себя круг людей, которые так же увлеченно распутывают сложные клубки судеб петербургских немцев — знаменитых и известных, внёсших вклад в культуру, науку, промышленность, медицину, военно-морское и транспортное дело столицы Российской империи; а также и неизвестных или изгнанных, замученных в застенках сталинских лагерей и забытых на долгие годы, честных тружеников своей непростой Родины.

Блестящие знания европейских языков (в первую очередь норвежского, немецкого, английского) позволяло Татьяне Алексеевне не только свободно ориентироваться в научной литературе на языках народов европейского региона, а также свободно общаться с коллегами из европейских стран, но и являться одним из признанных авторитетов в России как в области скандинавской этнографии, так и переводческого дела. Татьяна Алексеевна работала устным переводчиком, в её архиве сохранились старые любительские киноплёнки, где она запечатлела уникальный опыт своей переводческой работы в лагере «Артек» в 1960-е гг. Она стала автором двух переводов книг с норвежского на русский язык⁴. Мы неоднократно были свидетелями, как во время официальных визитов в МАЭ

---

² Вуори Т., Шрадер Э. Фотоателье «Н. Rentz & F. Schrader» в Санкт-Петербурге // Немцы в Санкт-Петербурге XVIII–XX вв.: биографический аспект. СПб., 2005. Вып. 3 / Отв. ред. Т. А. Шрадер. С. 115–122.

³ Шрадер Э. Г., Вуори Т. История фотоателье «А. Рентцъ и Ф. Шрадер» (1877–1917). СПб., 2011.

⁴ Гриндэ Н. История норвежской музыки / Пер. Т. А. Алимова. Л., 1982; Хансен-Хайер А. Книга об отце / Пер. И. Б. Ефремов, Т. А. Алимова-Шрадер, М. П. Ганзен. Л., 1986.

РАН норвежских делегаций Татьяна Алексеевна не только организовывала эти визиты, но и брала на себя роль переводчика, а на международной конференции к 300-летию Санкт-Петербурга в стокгольмском университете *Södertörns högskola* в 2003 г. модерировала заседания на английском и немецком языках, в перерывах свободно беседа с хозяевами конференции на шведском.

Свидетельство признания трудов Татьяны Алексеевны — заслуженные награды: Диплом премии «Вклад в развитие и сохранение национальной идентичности» (премия учреждена Фондом «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга» при поддержке Комитета по Внешним связям Администрации Санкт-Петербурга по случаю 15-летнего юбилея Фонда 07.11.2008.), Благодарственное письмо Русско-немецкого Центра встреч при Петрикирхе Санкт-Петербург — за многолетнее сотрудничество в развитии культурных отношений Европы и России, популяризацию европейской культуры, за многолетний вклад (20 лет) в проведении конференций «Немцы в Санкт-Петербурге» — и многие другие награды и грамоты.

При этом Татьяне Алексеевне удивительным образом было «не жалко» отдавать свои детища преемникам, отпускать свои конференции в новую жизнь. К 2012 г. Татьяна Алексеевна постепенно стала приобщать меня к делам, касающимся конференции «Немцы в Санкт-Петербурге», а Илью Борисовича Губанова — к Скандинавским чтениям. Она объясняла это тем, что стареет и пора уже готовить преемников, хотя слово «стареть» никак не подходило к ней, потому что она была по-прежнему активна в научной и организационной деятельности, и такой продуктивности могли бы позавидовать иные молодые коллеги. Фактически до 2021 г. всё руководство «Немцами в Санкт-Петербурге», подготовка, корреспонденция, модерирование конференции, а также ответственное редактирование сборников оставалось в руках одной Татьяны Алексеевны, моя же помощь долгое время ограничивалась приятными хлопотами по организации кофе-паузы, и мне, честно говоря, очень нравилась неприметная роль «официантки». У нас с Татьяной Алексеевной уже давно были негласные договорённости: я могла отчитываться работой в оргкомитете этой конференции, хотя почти всё лежало на ее плечах, взамен я выполняла за неё обязательную, возложенную на каждого сотрудника музейную работу: Татьяне Алексеевне как пожилому человеку было непросто разобраться в хитростях автоматизированной музейной базы данных. Но весной прошлого года Татьяна Алексеевна вдруг окончательно передала мне все контакты и бразды правления конференцией, будто почувствовав, что время настало. Я обсуждала с ней каждый шаг, не только потому, что требовалась её поддержка, но и потому, что это были поистине «её» конференции: с каждой новой научной встречей я все больше убеждалась, что людей, которые ежегодно выступают с докладами, держит вместе не профессиональная необходимость, а сама Шрадер. Ее любили, с ней дружили, к её авторитету апеллировали. Я очень боялась что-то упустить, нарушить традиционный порядок, потому часто звонила Татьяне

Алексеевне с вопросами. А она, «отпустив» дела — вдруг стала по-девичьи ветреной и свободной: легко могла признаться, что забыла о чем-то; что она на даче и её вместо дел сейчас радуют цветы и собака Браун, и с полчаса, смеясь, с упоением рассказывать о проделках своего четвероногого друга. Татьяна Алексеевна последней прислала мне заявку на *свою* конференцию, за два дня до начала она позвонила и, застенчиво смеясь, сообщила, что не сможет прийти на открытие и появится только во второй день на свой доклад, потому что появились очень важные дела: она приглашена на мероприятие, где будут говорить о её папе и вручать памятный знак... А когда пришла на свой доклад и была встречена настоящими овациями ожидавших её бессменных участников — было видно, что она совершенно довольна своей свободой.

Хочется вспомнить о Татьяне Алексеевне Шрадер и в другом ракурсе — каким она была человеком в своём приватном мире. Мне не часто приходилось бывать в её семье, только лишь дважды. Впервые к себе Татьяна Алексеевна меня позвала в первые годы нашей совместной работы — я помогала ей справиться с компьютером, она работала над статьёй и только начинала осваивать технику. Шрадер жила тогда с супругом, мамой и собаками в небольшой квартире на Удельной, на северной окраине Петербурга. Так получилось, что Татьяна Алексеевна довольно поздно встретила свою любовь, и дети не появились в их браке с Эдуардом Германовичем. Шумом и радостью дом наполняли животные, которые всегда жили у Татьяны Алексеевны, и она всегда увлечённо рассказывала о них у нас в отделе. Могло показаться, что в этом есть некая неустроенность, неполноценное женское счастье, и мне, действительно, на работе порой казалось, что Шрадер многих молодых недолюбливает. В приватной атмосфере этот образ разрушился, и помню, как я потом многие годы рассказывала о своих впечатлениях нашим коллегам: Татьяна Алексеевна и Эдуард Германович окружили меня какой-то родительской заботой, после недолгой борьбы с компьютером усадили за заботливо и со вкусом накрытый круглый стол за угощение. Я обратила внимание на обстановку её комнат, множество книг, винтажную мебель, массу декоративных мелочей. Можно сказать, что этот дом имел «душу» не только потому, что каждая деталь была связана с воспоминаниями, напоминала хозяйке о поездках, встречах и сотрудничестве с самыми разными людьми, но и потому что сами супруги Шрадер наполняли его своим теплом: как старосветские помещики, они были в то же время подобны старым добрым родителям, ждущим в свой дом выросших детей.

С годами мне перестало казаться, что Шрадер кого-то может недолюбливать. Она часто звонила всем нам, поскольку в последние годы уже не бывала на работе столь же часто, как раньше, и подолгу справлялась о жизни, здоровье и домочадцах. Будучи в Кунсткамере по делам, совершала визиты вежливости, обходя многие кабинеты. Как-то, году в 2017-м или 2018-м она позвала меня с детьми к себе накануне нового года — супруги уже несколько лет, как переехали с севера Петербурга на юго-восток, на Неву. Меня тогда удивила такая перемена в жизни

пожилых людей — не просто поменять жилье, но уехать в совершенно другой район. А Татьяна Алексеевна как-то очень легко переживала перемены в жизни, не только была лёгкой на подъём для поездок, которых она совершила великое множество за свою долгую жизнь. Она тут же нашла много плюсов в своем новом местоположении: «Мы с Брауном знаете, как чудно гуляем вдоль Невы!» В квартире в Рыбацком снова был накрыт тот же круглый стол, на этот раз мои дети разглядывали дикий вещи, чучело пингвина, старинные статуэтки и вазочки, скандинавские деревянные вещицы и слушали рассказы Татьяны Алексеевны и Эдуарда Германовича. Татьяна Алексеевна умела удивительно легко из простых ингредиентов приготовить изысканное вкусное блюдо. И тогда за столом, подавая простой пирог с картофелем и итальянскими травами, она, смеясь, рассказывала, что её норвежские коллеги и друзья всегда бывали удивлены и восхищены этим угощением. У неё было приятно быть гостем, она умела красиво встретить, окружить не только теплом и радушием, но и сделать это с какой-то неповторимой аутентичностью, в которой хорошо прочитывался ее богатый европейский опыт.

Всего лишь 29 марта Татьяна Алексеевна отметила свой 83-й день рождения. В это время из типографии вышел свежий 13-й выпуск сборника «Немцы в Санкт-Петербурге», а 15 апреля мы собрались на его презентацию в стенах Библиотеки МАЭ РАН: учёные и энтузиасты из разных научных институций города ждали этого события и пришли с цветами для Татьяны Алексеевны, новыми планами, мыслями и идеями. Бесконечно грустно, и трудно поверить, что ровно через месяц такой деятельный, энергичный, полный новых научных проектов и молодой душой учёный ушел из жизни. Сейчас очень греет душу тот факт, что мы успели собраться в тот вечер, душевно выпить игристого вина и порассуждать о будущих конференциях, что Татьяна Алексеевна успела подержать в руках новый сборник, сделанный уже её преемниками.

Ю. В. Бучатская